

ШАВА 1

Она выглядела достаточно аккуратно и стильно, чтобы не нервничать и не чувствовать себя старой и разбитой. На ней были легкие брюки цвета кофе, совсем немнущиеся. Сложно было поверить, что она сутки провалялась в них на вагонной полке. Просторную бежевую кофточку из натурального хлопка с глубоким вырезом час назад она вытащила из чемодана и надела вместо футболки, в которой спала. Легкие кожаные танкетки на пробковой подошве, шоколадного цвета кепка, под которую она спрятала разлохматившиеся пряди, довершали образ. Образ элегантной женщины средних лет, вернувшейся с летнего отдыха.

Вздыхнув, она нацепила солнцезащитные очки, чтобы спрятать уставшие глаза. Схватилась за чемоданную ручку и покатила чемодан через зал ожидания к стоянке такси. Она шла легко, красиво. Тонкий хлопок блузки обнимал загорелое стройное тело. Шелковистая ткань брюк не скрывала сильных мышц ее ног. Она всегда следила за собой. Бегала по утрам. Посещала бассейн. Сидела на диетах. Ей вслед смотрели муж-

чины. Она об этом знала. Она это чувствовала. Поэтому не имела права горбиться, опускать голову и плакать. Она не имела права на слабость. И никто в этом не был виноват. Она сама нацепила на себя ярлык сильной женщины. Теперь вынуждена была расплачиваться.

Такси подкатило тут же, стоило ей остановиться у бровки тротуара. Таксист помог убрать чемодан в багажник. Открыл ей заднюю дверь. Она поблагодарила без улыбки. Сил улыбаться не было. Хотелось поскорее домой. Под защиту своих стен. За тяжелую бронированную дверь. Сбросить с себя дорожные одежды, смыть всю пыль и раствориться в жгучей обиде, от которой дрожали губы и очень хотелось расплакаться.

Потом, уже потом можно будет позвонить дочери и сказать, что добралась отлично. Что замечательно себя чувствует. И что она рада, что приняла решение о преждевременном отъезде. Она устала от жары.

Да, это было неправильно. То, что она собиралась ей звонить. Да, это сильно смахивало на малодушие. И шло вразрез со всеми ее представлениями о гордости. Потому что она не принимала никакого решения о своем преждевременном отъезде. Она об этом даже не думала. Ее буквально выставили из номера. Зять выставил, предложив поселиться в номере в соседнем отеле. Подальше, стало быть, от них. Так и сказал:

— Наталь Пална, мне кажется, так будет правильнее всего.

— Что именно, Гоша? — поинтересовалась она, высокомерно вскинув брови.

Она только-только отходила от их последней перепалки. Проповедуемые зятем методы вос-

питания ее любимой внучки Наты никуда, по ее мнению, не годились. И час назад они сошлись с Гошей не на жизнь, а на смерть. Дочь Ирка рыдалась, ушла на свою половину дома, который они арендовали. Зять скрылся там же, оставив последнее слово за собой. А она с Натой принялась складывать сложный пазл, пытаясь отдышаться.

А потом...

А потом зять вышел и предложил ей снять номер в соседнем отеле.

— Так будет правильнее всего, — этими словами он закончил свою речь.

— Что именно, Гоша?

Она еще плохо понимала тогда, что ее просто-напросто выгоняют, ей указывают на дверь.

— Чтобы вы были от нас подальше, — ответил ей зять, не особо подбирая слова.

— Подальше?! От вас?!

Она медленно поднялась с кресла, в котором полулежала, отдыхая после перепалки. Оглядела коренастую фигуру зятя с головы до ног. Сокрушенно качнула головой, вспоминая, как была против брака своей дочери с этим человеком. Глянула на дочь Ирку, выглядывавшую из-за плеча мужа.

— Ира? Ты чего молчишь? Ты что скажешь? — Она ласково улыбнулась ее бледной испуганной мордашке. — Твой супруг меня представляет вон. Из дома, в котором больше половины комнат пустует. И...

— Мама, так будет лучше, — выпалила Ирка и спряталась за широкой спиной Гоши.

— То есть ты тоже меня выгоняешь?

Она все еще улыбалась. Она все еще не верила, что дочь предала ее. Что она пошла на пово-

ду у этого brutального самца, не стеснявшегося шлепать ее по задку в присутствии матери.

— Так будет лучше, — слабым голосом пискнула дочь из-за спины мужа.

И тогда она обернулась на внучку. На семилетнюю Наташку, названную в ее честь. Уж она-то ее не предаст. Они всегда были подругами. Они всегда были единомышленниками.

— Ната, ты слышала? — спросила она у внучки с усмешкой.

— Да, — кивнула внучка, приводя в движение белокурые кудряшки.

— Твои родители меня выставляют. Выгоняют! — добавила она.

— Я слышала, ба. — Внучка воткнула крохотную деталь в сложный рисунок пазла, подержала плечиками. — Тебя не выгоняют. Тебе просто предлагают поселиться по соседству.

Она всегда была рассудительной. С трех лет. Очень умненькой и рассудительной. Ее кровь.

— Папа уже подобрал тебе номер в отеле через дорогу. Окна напротив, ба. — Ната вогнала в рисунок пазла еще один фрагмент, легонько постукала кулачком, чтобы тот плотно лег.

— То есть ты тоже не против?

Душа сжалась до размеров ее носового платочка, который она в тот момент комкала в кармане домашних брюк.

— Я не против, ба, — ответила Ната.

— То есть тебе я тоже мешаю?

— Нет, ба. Мне ты не мешаешь. Но, по мнению папы и мамы, ты все время все портишь.

— Да? — Ее брови снова полезли вверх, губы судорожно дергались, когда она спросила: — И что же я порчу у папы с мамой?

— Их отношения.

И взгляд пронзительных голубых глаз из-под белокурой челки внучки был осуждающим. И это ее добило.

— Хорошо. Я вас услышала. Я иду собирать вещи.

Гоша засуетился, заулыбался. Ирка принялась щебетать, строить планы на вечер. Совместный поход в местный театр она запланировала. Ната в их семейном ликовании участия не принимала. Продолжала свое занятие. Но когда ее любимая бабушка вышла из своей спальни с чемоданом, тяжело вздохнула и пробормотала:

— Прости меня, ба.

— Все хорошо, Наточка. — Она склонилась над ней, поцеловала ее в висок. — Все хорошо.

Хотя хорошего-то ничего не было. Два самых близких, любимых ею существа только что предали ее. Погнали прочь. И, конечно же, она прошла мимо приветливо распахнутых дверей отеля, расположенного через дорогу от коттеджа, арендованного зятем на месяц. Остановила машину. И перед тем как сесть на заднее сиденье — она всегда в такси там садилась, — глянула на дом, который только что покинула.

Никто не прилип к окнам. Никто не махал ей вслед руками. Никто даже не позаботился, благополучно ли она добралась до отеля или нет. Все решили, что раз она взрослая девочка, то вполне может перейти дорогу самостоятельно.

А может, они ругались сейчас? Ирка с Гошей ругались? Ирка плакала и упрекала мужа в бездушии, а он таким и был — бездушным. Он оборонялся, аргументируя свое бездушие, как всегда, логично. Может, ругались?

Так думать очень хотелось. И, усаживаясь в поезд, она все еще надеялась на телефонный звонок. Надеялась услышать заполошное Иркино:

— Мапочка, а ты где?

Дочь так и не позвонила. Она не обнаружила ее отсутствия. Они всем семейством сходили на обед, потом отдохнули, затем отправились на пляж. Они там жили по расписанию.

О ней никто не вспомнил. Даже Ната!

Звонок все же случился. Около восьми вечера.

— Мама, ты где? — Голос дочери был раздраженным.

— А что? — ответила она с вызовом.

Она все еще надеялась, что дочь решила навестить ее в отеле через дорогу. Обнаружила пропажу и дико перепугалась.

Она ошиблась.

— Мы уже собрались! — повысила голос Ирка.

— Вы? Куда собрались?

— О господи! Ну, нельзя же быть такой эгоисткой, мама! Мы собрались в театр. Все вместе. Ты не помнишь?

— Нет, не помню.

Ах да, театр. Она чуть не хихикнула. Ирка в качестве отступного решила сводить их всех в театр. Культурное мероприятие, призванное примирить несогласных.

— Мама, мы уже все собрались. Ждем тебя возле входа.

— Входа куда? В театр?

— Ну нет, конечно, — проворчала дочь. — Входа в твой отель.

— Ах, в отель. Ну, дорогая, для того, чтобы ждать меня возле входа в отель... Мой отель! —

подчеркнула она неприятным голосом. — Надо бы для начала поинтересоваться, а живу ли я там.

— А ты?

— А я там не живу.

— А где ты живешь?

— В настоящий момент я живу в купе, на нижней полке.

— Что?! Ты... Ты уехала?! — И Ирка громко застонала.

— Да, дорогая, я уехала. Чтобы не создавать никому неудобств.

— Но мы...

— Себе в том числе, дорогая, — перебила ее она. — Я устала от отдыха, от жары. И мучилась там только ради вас. Но коли в моем присутствии никто более не нуждается, я решила уехать.

— Какая же ты... Какая же ты бессовестная! — выпалила дочь и отключилась.

Но она все равно ей позвонит. Вот сейчас, уже минут через семь-десять, доедет до дома. Войдет в квартиру. Снимет с себя дорожные одежды. Примет ванну. Переоденется в любимые домашние лохмотья. Так она называла трикотажные разноцветные балахоны, в которые рядилась дома. Сядет с чашкой горячего чая на лоджии. Вытянет уставшие ноги. И только тогда позвонит своей дочери. Только тогда. Ни минутой раньше.

Ирка прекрасно знала, во сколько приходит именно этот поезд в их город. Они в Иркином детстве частенько им добирались с отдыха. Знала и ни разу не позвонила. Не спросила:

— Мама, как ты добралась?

Не позвонила. Не спросила.

Что это? Равнодушие? Бездушие? Гошкина муштра? Почему ее дочь так изменилась? Почему совершенно не интересуется матерью?

Такси остановилось возле ее подъезда. Она расплатилась. Выбралась на улицу. Поблагодарила таксиста, вручившего ей чемодан. Зашагала к железной двери с кодовым замком. На скамейке у подъезда никого. Слава богу! Не будет лишних вопросов, любопытных взглядов, удивленного шепота. Она же предупредила пожилых сестер Котовых, стерегущих территорию, что будет отсутствовать до конца месяца. А тут неделя только прошла, и вот она — здрасте, уже вернулась. С чего бы это?

Наталья представила подозрительные взгляды сестер Котовых, их скорбно поджатые бескровные губы, догадливые кивки. И передернулась. Как же хорошо, что двор пуст!

У лифта тоже никто не встретился. Красота какая! В полном одиночестве она доехала до своего одиннадцатого этажа. Еле дождалась, когда тяжелая блестящая дверь отъедет в сторону. Шагнула из лифта и покатила чемодан по коридору к своей квартире.

У двери она чуть замешкалась. Ключи от квартиры куда-то запропалились. Гремели где-то на дне сумочки, а в руки не попадались. О, наконец-то! Ухватила за брелок в виде красной дамской туфельки. Вытащила ключи, вставила один в нижнюю замочную скважину. Повернула и... вздрогнула. От щелкающего звука за спиной, от резкого дуновения холодного воздуха у нее затылок мурашками покрылся.

Она обернулась. Дверь соседней квартиры, выставленной на продажу пару месяцев назад,

была открыта. Из прихожей торчали углы коробок. Значит, кто-то успел вселиться, пока она каталась на моря. Работал кондиционер. Видимо, на полную мощность, из квартиры несло холодом.

— Здравствуйте, — улыбнулся ей новый жилец, высунувшись из двери, пнул коробку, подвернувшуюся под ноги. — Вернулись?

— Здравствуйте. Вернулась. — Она слабо улыбнулась в ответ. — Вы все же купили эту квартиру?

— Купил. — Он продолжал улыбаться. — Загорели.

— Ну да, есть немного.

Она вдруг смутилась неожиданному мужскому вниманию. В голову полезли какие-то лишние, неуместные мысли, что совсем неплохо иметь в соседях симпатичного холостяка средних лет. А он, кажется, холост.

— Красиво, — мечтательно закатил глаза новый сосед.

— Спасибо, — не отводя от него взгляда, она повернула еще пару раз ключ в замке. — Ну, вы обживайтесь. И заходите вечером на чай.

— С малиновым вареньем?

— Почему с вареньем? Я могу и пирог испечь.

Она могла. У нее получались замечательные пироги. Особенно лимонный, с нежной кисло-сладкой начинкой.

— Я его люблю. Малиновое варенье, — пояснил он, смущаясь.

— Ну хорошо. Будет вам варенье.

Она едва слышно рассмеялась. Вставила второй ключ в верхний замок. Открыла. Распахнула дверь, вкатила внутрь чемодан.

— До вечера?

Она оглядела с головы до ног нового соседа. А ведь он хорош! Странно, что она не смогла рассмотреть этого с первой минуты. Вроде и не молод, но подтянут, мускулист. Лицо обычное, славянского типа, как охарактеризовал бы педант Гоша. Но приятное. Взгляд открытый. Улыбка милая.

— До вечера, — кивнул он.

И вдруг, когда она уже вошла в свою квартиру, когда уже почти закрыла за собой дверь, он окликнул:

— Простите меня!

— Что? — она выглянула из-за двери.

— Простите меня, бога ради. Я не могу попросить вас о помощи?

— Какого рода помощь?

Она толкнула ногой подкатившийся чемодан, быстро глянула на себя в зеркало. Да она прекрасно выглядит! Сутки в дороге, а цвет лица изумительный. Пряди, вырвавшиеся на волю из-под кепки, придавали ей шарма. Одежда свежая, не измятая. Белье она утром в вагонном туалете поменяла.

Что за мысли? Одернув мысленно свой разгулявшийся бред, она вышла из квартиры.

— Чем помочь?

— Да вот, — он смущенно сморщил симпатичное славянское лицо. — Надо кое-что переставить. Не тяжелое, но громоздкое. Одному не справиться. Не поможете?

— Ну, если это не тяжело.

— Нет, нет.

— Тогда помогу, конечно.

И она вошла в его квартиру.

МАМА 2

Кирилл прищурил левый глаз, его коснулся солнечный луч. Значит, времени три пополюдних. Как только солнце перейдет к правому глазу, будет половина четвертого. До конца рабочего дня останется два с половиной часа. Если они пройдут в таком же ритме, то у него есть шанс навестить сегодня родителей. Собирается уже вторую неделю, месяц обещает. И все никак. Непременно что-то отвлечет, обязательно что-то помешает.

Мама вчера в телефонном разговоре долго упрекала его в невнимании, а потом расплакалась и призналась, что невозможно соскучилась. У него в горле запершило от ее слез. И он поклялся себе, что уж завтра-то, то есть сегодня, он обязательно выберется к ним на дачу. И проведет с родителями один из пары отведенных ему начальством выходных. И станет послушно кушать витаминные салаты матери. И с интересом рассматривать обрезанные розовые кустарники. И возможно, даже поможет отцу рыть котлован под небольшой бассейн, который тот планирует подарить будущим внукам.

Солнечный луч замер на переносице, когда зазвонил телефон внутренней связи.

— Начинается! — проворчал со злостью его начальник Федор Иванович Хорцев. — Сейчас непременно какую-нибудь дрянь сообщат. И придется ехать. А до конца рабочего дня два с половиной часа. Надеялся, что все пройдет тихо. И девчонкам своим обещал сегодня вечер семейный. Тьфу!